

творческий путь э. глезера

Эрнст Глезер — типичный представитель немецкого попутничества так называемого второго призыва, новой попутнической волны, прокатившейся с наступлением третьего периода, как симптома обострения всех противоречий распадающегося капитализма. Мировой экономический кризис создает резкую дифференциацию средних слоев, отрывает от буржуазии ее передовых представителей, бросает их в лагерь пролетарской революции.

Этот общий процесс необходимо, однако, изучать дифференцированно, ибо он проходит различно в каждой данной стране, с ее соотношением классов и партий, с ее темпами нарастания классовых боев.

В Германии резкость экономического кризиса совершенно расшатывает непосредственно экономическую базу средних прослоек; создает их крайнюю идеологическую неустойчивость, бросая их тем самым в объятия крайних партий, как национал-социалистов, так и КПГ. Происходит моральная дискредитация капитализма в глазах этих групп. Они все больше осознают борьбу двух систем — капитализма и социализма — как основное содержание эпохи. Вырастающая популярность СССР и пятiletки, возрастающее влияние компартии — все это гонит эти слои влево, переводит их идеологическую неустойчивость в приближение к идеологии пролетариата.

Популяризация пролетарских сил вызывает соответствующий процесс в литературе. Корифеи немецкой буржуазной литературы, писатели «с именами», даже дававшие в прежнее время более или менее звонкие пощечины капитализму (вроде Г. Манна) концентрируются на правом фланге литературы. С другой стороны, вокруг молодого пролетарского литдвижения объединяется значительная группа попутчиков, примкнувших к революционному фронту.

Глезер, Ренн, Зегерс, Киш, Брехт, Граф, Вайскопф, Вольф и писатели разной степени близости, различные творчески, отражают разные типы и темпы поведения средних слоев, а частично и разные прослойки, из которых вербуются попутнические кадры.

Глезер входит в немецкую литературу уже в начале третьего периода. Это писатель мелкобуржуазного «поколения 1902 года», поколения, которое в силу возраста в значительной мере прошло мимо социального кризиса военных и послевоенных лет. Его мировоззрение

по существу сформировалось в период относительной стабилизации. На Глезере можно наблюдать, как новый кризис сдвигает с места даже довольно устойчивые прежде, косные прослойки *Mittelstand'a*, хотя эта устойчивость и была частично подорвана войной, революцией и инфляцией. Отсюда элемент стабильной косности, с трудом преодолеваемой Глезером по мере его политического и творческого роста. Начало третьего периода — начало для Глезера потери этого равновесия. Появляется стремление осознать свое место, пройти мысленно свой путь, чтобы сделать какие-то выводы. Это первый этап — «Поколения». Выводы, однако, не даются сразу Глезеру. Только развитие мирового кризиса приводит его к правильному в основном решению. Это второй этап — «Мира». Дальнейшее развитие приводит его в ряды организованной революционной литературы. Как будто ясная восходящая линия. Но вместе с тем масса колебаний, срывов, сопровождающих путь писателя в сложнейшей политической ситуации в Германии 1927—1931 годов.

Мы не можем рассматривать творчество попутчиков иначе, как в плане политической борьбы германского пролетариата и КПГ за мелкобуржуазных союзников, за вырывание их из-под власти фашистских влияний.

Литературное попутничество и его переделка сами являются специфическим моментом, частью этой общей борьбы за «союзника». Но вместе с тем мы должны рассматривать литературу попутчиков и как фактор в этом процессе. Она неизбежно играет в нем огромную роль (хотя ее роль этим и не исчерпывается), ибо эти мелкобуржуазные, колеблющиеся прослойки ищут выхода и при этом ориентируются на «своих» писателей. С точки зрения этой функции попутчиков Запада большой интерес представляют произведения автобиографического типа, рисующие мировоззренческий путь писателя, переход его к революции, как «Война»¹ и «После войны» Ренна, «Поколение 1902 года»¹ и «Мир»² Глезера. При политическом четкой постановке вопросов такие произведения,

¹ В русском переводе вышло под заглавием «Рожденные в 1902 году», перев. С. Бернера. Изд. «Молодая гвардия», 1930 г.

² Перевод С. Бернера, «Лит. мир. революции», № 8—9, 1931 г.

используя «силу примера», могут стать прекрасным средством пропаганды среди мелкобуржуазных слоев. Но поэтому неясности, ошибки в таких произведениях не только сами являются для нас симптомами недостаточного овладения этими писателями революционным мировоззрением, но получают широкий резонанс, становятся помехой политической агитации за союзников. Эти оба момента мы имеем в «Мире».

Необходим тщательный учет творческих достижений и срывов революционного попутничества, проверка того, насколько оно выполняет эти политические задачи. С другой стороны, это является проверкой того, как пролетарские литорганизации выполняют работу по перевоспитанию попутчиков.

«ПОКОЛЕНИЕ 1902 ГОДА»

«Они мыслят не пролетарски, они мыслят антибуржуазно». Э. Глезер.

Выступления Глезера в литературе в 1928 году попадают в полосу начинавшегося оживления классовых боев, зарниц надвигающегося кризиса.

«Третий период, особенно резко обостривший противоречия между ростом производительных сил и суженными рынками, делает неизбежной новую полосу империалистических войн между империалистическими государствами и войну против СССР»¹.

Нависает атмосфера угрозы интервенции, новой мировой войны. Мелкая буржуазия, как чуткий барометр, реагирует на колебания почвы литературой, решающей проблему войны во всех оттенках буржуазного и мелкобуржуазного пацифизма. Первая вещь Глезера «Поколение 1902 года» тематически попадает в этот поток. Вопрос — какое место она в нем занимает.

Ремарк в то время в поисках своего места в будущей войне находит его в романтизации ее «ужасов», объективно тем самым участвуя в подготовке войны в форме буржуазного пацифизма. Глезер ищет свое место не только в военной, но и вообще в социальной обстановке. И возвращается к эпохе мировой войны, отчасти как к истокам своего развития, главным же образом потому, что его поколение, выросшее под знаком поражения Германии, видит в мировой войне причину всех социальных потрясений. Глезер не романтизирует войны. Наоборот, с нее последовательно сдираются ее героические маски. Показывается, как лживая патетика шовинизма тает в голодных буднях тыла. Здесь нет вреднейшего момента Ремарка — демагогической идеализации войны как предпосылки для стирания социальной розни в чувстве «товарищества». Глезер показывает, как распадается внушенная в начале войны ложь о «единстве нации». Глезер пытается дать — чего совсем нет у Ремарка — анализ социальных сил эпохи мировой войны. Уже в первых книгах Ремарка и Глезера есть глубокие различия, намечена противоположность их дальнейших путей. И все же «Поколение 1902 года» — это еще вещь не революционная. В ней раскрывается существенная сторона твор-

ческого метода Глезера — созерцательность, сильнейший объективизм, бессилие, пассивность. Ведя путь своего героя — своего прежнего «я» — сквозь тиски буржуазного воспитания, сквозь шовинистический угар 1914 года, через голодные будни 1915—1916 годов и «ужасы» буржуазного полового воспитания — неизвестно куда дальше, Глезер в значительной степени отдается этому регистрированию фактов. Критика упрекала Глезера в слабости и пассивности его героя, в том, что тот не знает выхода. Не в этом дело. Буржуазный подросток, выросший в обывательской тине, не может действовать как последовательный революционер. Но гораздо хуже то, что сам Глезер не всегда умеет стать выше своего героя, что он расплывается в нем.

Путь Глезера лежит перед нами как бы в двух планах: 1) Развитие юного героя «Поколения 1902 года» и «Мира» в период войны и революции — своего рода *Vorgeschichte* творчества Глезера; 2) мы наблюдаем развитие самого писателя от 1928 до 1930 года между первой и второй его книгами. То, насколько Глезер поднимается над уровнем своего героя и его восприятием событий, показательно для роста мировоззрения Глезера, его способности классово вскрывать явления.

В «Поколении» герой подчиняет себе писателя. Мир объясняется через восприятие ребенка. Это даже подчеркнуто настоящим временем, в котором частично ведется повествование. Почему в 1928 году в преддверии нависшей войны, в момент, когда требуется наибольшая ясность, Глезер дает изложение событий через восприятие ребенка, т. е. с заведомо беспомощным освещением? Эта двусмысленность имеет причиной отсутствие ясной установки у самого Глезера. Получается заколдованный круг. Глезер хочет анализировать свое прошлое, чтобы найти устойчивую точку зрения на свое место в настоящем. Но для правильности анализа нужна точка зрения, как предпосылка. В результате — неясность, двусмысленность. Герой «Поколения» подменяет классовые противоречия возрастными, и это естественно. Но Глезер 1928 года по существу смазывает и тем самым искажает классовое лицо окружавшего его тыла — и это провал, результат идеалистического объективизма, влияющего на первую книгу.

Ее тема — тыл во время войны — благодарный материал для вскрытия классовых кулис войны, ее причин и целей, методов и форм обмана масс и путей революционного выхода. Но политическая позиция Глезера не дала тогда возможности так поставить вопрос. Он еще только нащупывает свое расхождение с буржуазией.

Яркое разоблачение шовинизма 1914 года, захватывающее не только буржуазию, не только социал-демократических вождей, но и рабочие массы и наиболее сознательных рабочих социал-демократов, это несомненно прогрессивная сторона этой книги.

Но метод Глезера имеет здесь ряд срывов: первый из них — это тот, что

Глезер еще не поднимается до последовательно классовой оценки людей, событий, идей.

Открытым остается вопрос о виновниках войны. Герой выдвигает тезис «война — это наши родители», идеалистически подменяющий борь-

¹ Тезисы о международном положении VI конгресса Коминтерна.

бу классов борьбой поколений. И Глезер в сущности не может этого опровергнуть.

Второй вопрос — кто же действительно борется против войны — обнаруживает всю беспомощность автора. В группе борцов против войны мы находим идеализированного автором аристократа — «красного майора», фрондирующего у себя в усадьбе против капиталистической Германии кайзера с точки зрения... другой империалистической комбинации, альянса с Англией. И эту фронду Глезер серьезно выдает за глубокую борьбу против буржуазного общества. В эту же категорию попадает старый пацифист, кричащий об ужасах войны и тоже идеализированный Глезером, наконец сюда же автор относит протест сознательного рабочего, приходящего на фронте к пониманию причин войны. Но здесь не дается никаких дальнейших перспектив.

Таким образом Глезер перечисляет все эти формы протеста и идеализирует их все вместе. Он еще не может найти принципиальное классовое отличие между всеми видами буржуазной оппозиции и между революционной позицией пролетариата.

Показателем неумения вскрыть классовое лицо явлений служит то, что и центральный носитель оппозиционных настроений, герой-подросток, как бы вырван автором из социальной обусловленности. Он — типичное порождение буржуазной обстановки, кровь от крови ее, типичный индивидуалистический бунтарь внутри буржуазной семьи, и, однако, в первой книге Глезер еще не может показать, как эти социальные корни порождают безволие, пассивность его героя, не может показать, как протест буржуазного героя не выходит за пределы его собственной среды.

Второй провал буржуазно-объективистского метода Глезера — чрезвычайная ограниченность его критики капиталистического общества. Внешне она кажется беспощадной. Но в сущности только шовинизм находит яркое разоблачение. Основы буржуазного общества не затронуты: варварство буржуазной школы, грубейшие формы антисемитизма, ненормальность полового воспитания буржуазных детей, отсутствие свободы слова для социал-демократических рабочих и фрондирующих аристократов (!). Война обернулась голодом. Отец — тупой обыватель. Вот какие обвинения предъявляет Глезер капитализму. Таким образом, если бы эта буржуазная среда приняла более культурную форму, если бы война сложилась более удачно для Германии и для буржуазных семей хватило бы припасов, протест Глезера потерял бы всякий смысл. Но ведь такую критику можно давать, даже стоя на позициях буржуазного реформизма. И это — показатель еще совершенно политической незрелости Глезера того периода.

Политическая позиция Глезера 1928 года противоречива. Стремясь выйти за пределы буржуазии, он пока остается в ее пределах. «Он не мыслит пролетарски, он мыслит антибуржуазно». Но ведь это и означает остаться в основном на позициях буржуазии. Именно из этого основного политического противоречия вырастают все остальные противоречия романа.

Желание сорвать маску с буржуазного мира сочетается в «Поколении 1902 года» с мягкой, почти извиняющей привязанностью к той же са-

мой буржуазной, обывательской семье, от которой он отталкивается. Недаром Глезер тяготеет не к основным крупным социальным событиям, но к бытовым деталям. Отсюда камерность, обывательская комнатность его творчества на этом этапе. Какое место занимает в романе еда! Как эпически даны поездки, за продовольствием, как эпически жарится гусь! До какой патетики поднимается Глезер в поразительной сцене чтения описания пира у Гомера голодными школьниками! Это, может быть, — самый сильный эпизод всей вещи. Эти проблемы обывателя чрезвычайно удаются Глезеру. Когда Глезер восхищенно описывает, как стекает жир с жарящегося гуся, вы осязаете, какими глубокими корнями врос в этот мир маленьких интересов не только голодный герой, но и сам Глезер.

Из-за этой привязанности к бытовой детали композиция книги теряет свою целеустремленность. Она распадается от бессилия овладеть событиями и их познанием. Отсюда, например, мотивы полового созревания юного героя, первоначально взятые, несомненно, в плане критики буржуазного воспитания, приобретают самодовлеющий характер, разбухают, перебивают анализ социальных явлений. Совершенно не случайно отсутствие в книге всякой законченной концовки. Смерть Анны не завершает, а случайно обрывает вещь. И это потому, что в «Поколении» нет ясной и четкой перспективы ни для героя, ни для автора.

В свое время наша критика ставила эту вещь безоговорочно в один ряд с Ремарком. Это безусловно неверно. В книге Глезера есть сильный налет пацифизма, но пацифизм бывает разных оттенков, и мы обязаны «тщательно различать между буржуазным пацифизмом и ошибками широких народных масс, которые охвачены настроением против войны, которые готовы бороться против нее, но еще не видят единственно правильного революционного пути и поэтому являются жертвами пацифистских обманщиков»¹. Вторая книга Глезера, резко преодолевающая всякие пацифистские иллюзии, позволяет по-новому видеть и первую. Положение Глезера определялось критикой как безнадежное. Между тем в книге есть здоровые тенденции, и, если правильно подойти к ней, как к началу развития Глезера, будет ясна дальнейшая линия этого развития. В условиях 1929/30 годов нельзя было стабилизироваться на такой неопределенной позиции. Надо было или идти по линии фашизации (как сделал Ремарк), или по линии революционного преодоления старых противоречий.

В какой конкретной ситуации происходило дальнейшее развитие Глезера? В Германии этих лет (1928—1930) мы имеем прежде всего стремительное нарастание и углубление кризиса. Как раз в эти годы усиленно колеблется экономическая почва под ногами средней и мелкобуржуазной интеллигенции. Оценивая последствия кризиса, т. Мануильский подчеркивает

«нарастание недовольства среди мелких слоев государственных и частных служащих, подвергающихся снижению жизненного уровня, сокращению из «экономии» аппарата,

¹ Тезисы о борьбе с военной опасностью на конгрессе Коминтерна.

среди интеллигенции, технического персонала промышленности, инженеров, техников, вследствие их перепроизводства... среди так называемого среднего сословия, ограбляемого так же, как и во время инфляции, крупными капиталистическими акулами, т. е. среди тех слоев, которые являются, вследствие слабости нашей коммунистической работы, главным резервуаром, из которых фашизм черпает своих сторонников»¹.

Катастрофически ухудшается положение так называемой «духовной интеллигенции», безработица в ее среде достигает крайних пределов. Уже одно это экономическое обнищание, угроза деклассации, угроза скатиться к пролетариату — сами по себе вызывают страшнейшую расшатанность идеологии привычных норм, навыков этих слоев. После всех теорий организованного капитализма и хозяйственной демократии, размах германского кризиса должен был вселить в умы промежуточных групп колоссальное неверие в жизнеспособность капиталистической системы. Моральный кризис капитализма и его культуры стал фактом для широчайших масс Германии.

С другой стороны, именно в эти годы успех пятилетнего плана с огромной настойчивостью ставит перед этими слоями проблему борьбы двух систем. Об этом говорит целый ряд документов — хотя бы например, вышедшая почти одновременно с «Миром» книга Брентано «Капитализм и художественная литература», убедительно вскрывающая, с какой яркостью врезана в сознание немецкой мелкобуржуазной интеллигенции противоположность между убожеством и разложением окружающей их культуры и новой культуры СССР.

Общеизвестны успехи советских фильм и советской литературы среди этих слоев. Уничтожение безработицы в СССР оказывает на голодную и безработную интеллигенцию Запада магическое воздействие. В поисках выхода, в поисках ясного и четкого мировоззрения, в поисках устойчивой перспективы они все чаще обращаются к «стране социализма». Нарастание военной опасности все больше осознается ими, как нарастание опасности буржуазной интервенции против СССР, иначе говоря, все больше осознается классовая подоплека войны.

Все это имеет огромное значение для понимания идеологических сдвигов в попутнической литературе. Ибо в этой обстановке ищущий выхода мелкий буржуа видит уже не только распад капитализма, но и практическое осуществление социализма. Этим самым чрезвычайно усиливается для него возможность перейти от негативных, антикапиталистических настроений к положительной идеологии рабочего класса, к усвоению мировоззрения марксизма. Далее. В период 1929—1930 годов мелкобуржуазные группы попадают в полосу чрезвычайно резкой поляризации политических сил. Концентрация на одном полюсе фашистских сил, на другом — революционных в едином рабочем фронте, обнажение всех противоречий, наступление террора и репрессии буржуазной диктатуры заставляют эти слои стремиться к максимальной ясности. Немецкие выборы 1930 года показательны для понимания иде-

ологии мелкой буржуазии. С одной стороны, огромная часть промежуточных слоев подпадает под влияние фашизма. Так, из трех с половиной миллионов служащих — два миллиона голосовали за национал-социалистов¹. Но даже и самый этот факт огромного притяжения мелкой буржуазии антикапиталистической демагогией крайней партии выражает глубину их потрясения. С другой стороны, именно сентябрьские выборы показали переход на сторону коммунизма значительных слоев мелкобуржуазной интеллигенции. Анкета, проведенная в сентябре-октябре 1930 года «Линкскурве» среди немецких писателей, и затрагивающая все основные политические вопросы, показывает острейшую дифференциацию немецкой литературы. В такой обстановке появляется вторая книга Глезера «Мир».

«МИР»

«Неужели моя судьба остаться в этой борьбе зрителем, сочувствующим индивидуалистом, самое большее — партизаном?»

Э. Глезер.

«Первая задача коммунистов (в отношении мелкобуржуазных слоев) — это привести мелкобуржуазные слои к осознанию противоположности своих интересов и интересов капиталистической буржуазии»².

Этот момент, уже ясно намеченный в «Поколении 1902 года», получает окончательное завершение в «Мире». Всякая попытка рассматривать это произведение изолировано неизбежно приводит к неправильным выводам. Его можно оценить только как совершенно определенный этап перестройки Глезера, этап для него решающий, поставивший его в ряды попутничества, но не завершающий его развития. Здесь Глезер отходит от «антибуржуазного» мышления и в основных и существенных вопросах становится на точку зрения пролетарской революции. Это — вдумчивый анализ пути, ясно понятая неизбежность выбора, определенный выбор пути пролетариата. И все же это — не книга революционера-борца. Метод Глезера в значительной степени сохраняет пассивный объективизм. Эта книга размышления, а не борьбы. Противоречивость «Поколения» воспроизводится на новой основе, но ведущими начинают становиться моменты классового и революционного познания мира. В этом узлом противоречия, как в «клеточке» (Ленин), заложены все остальные противоречия стиля этой вещи. Отсюда ясно, как последовательно-пролетарская оценка войны, роли пацифизма, диктатуры пролетариата сочетается у Глезера с грубейшими политическими ошибками. Отсюда понятно, как классовый анализ событий 1919 года идет рука об руку с продолжением «традиций комнатного творчества».

¹ См. например Bergner—„Zur Frage der Angestellten“; „Die komm. Internationale“, 1930, № 23-24.

² Th. Neubauer—„Die Arbeit unter den Kleinbürgerlichen Mittelschichten“; „Die komm. Internationale“, 1931, № 10.

¹ Мануильский. «Доклад на XI пленуме ИККИ».

Глезер меньше всего напоминает мелкобуржуазного революционера, который в бурном эмоциональном порыве бросается в волны, может быть, неясной для него по проникнутой пафосом революции. Он хочет прежде всего разобратся, продумать, взвесить, он хочет семь раз отмерить, прежде чем отрезать себе «путь обратно», в буржуазное общество. И это, несомненно, результат прояснения политической ситуации, результат влияния нового мировоззрения пролетариата.

Глезер ведет своего героя через конец войны и взрыв пролетарской революции, через показ рабочих демонстраций, спартаковского движения, его подавления и разгрома, через размышления разочарованных или, наоборот, революционно настроенных интеллигентов, через бури того периода и его тину, чтобы, поняв эти явления до конца, оценить свое положение и роль в революции.

Первое достижение творческого метода Глезера по сравнению с «Поколением» — это четкая классовость в характеристике явлений.

Чрезвычайно интересно, как персонажи, перешедшие в «Мир» из первой книги, получают поэтому совершенно новое освещение (социал-демократ Гофман, пацифистский профессор).

В «Мире» есть целый ряд способов подчеркивать классовый характер описываемого явления. Так, нередко после описания Глезер, как бы не доверяя тому, что явление само раскроется для читателя в своей классовой сущности, подкрепляет его разъяснением. Яркий пример — сценка, где чуть не разгромленный рабочими крупный фабрикант, сентиментально кормит цыплят во дворе у героя.

В то время, как он занимается этим «глубоко человеческим» делом, автор с хладнокровной иронией перечисляет длинный «список его классовых преступлений».

Та же тенденция проявляется в иронических концовках. И здесь мы видим процесс разоблачения, срывания маски. Так классовый характер буржуазного суда подчеркнут сопоставлением длинной напыщенной речи адвоката в защиту спартаковца-интеллигента и иронией концовки: «Здесь газетный отчет переходил в петит», следуют тяжелые приговоры рабочим, «о них почти не упоминалось. Их судьба не интересовала».

Одно это стремление к четко классовой характеристике ярко вскрывает, как далеко подвинулось воздействие идеологии пролетариата на мелкобуржуазную интеллигенцию, как разоблачили себя буржуазно-демократические иллюзии, тяготевшие в значительной мере над этими слоями.

Однако признание классовости идей и явлений, как и признание классовый борьбы, не является само по себе гарантией революционности. Новое и ценное в «Мире» то, что вместо хаотического представления социальной обстановки, данного в «Поколении» Глезер четко выявляет два основных лагеря революции и контрреволюции. Революционному движению пролетариата (спартаковцам) противопоставлен здесь весь комплекс буржуазного мира, от продажной социал-демократии до обывательского мирка родителей героя.

В этом смысле огромным достижением «Мира» является полное преодоление всех пацифист-

ских слабостей «Поколения 1902 года». «Мир» не только дает совершенно четкий анализ причин войны (правда, не столько в показе, сколько в разъяснениях), но и подчеркивает единственно революционное понимание выхода из нее в переводе ее в войну гражданскую. С этой последовательной позиции Глезер, показывая возвращающихся с фронта и стремящихся «только к миру» солдат, клеймит их трусами и обывателями. Разоблачается, как с целью разгрома спартаковского движения контрреволюционное социал-демократическое правительство пускает в ход лозунг «мира и только мира», отвлекая этим от революции уставшую солдатскую и рабочую массу. Наконец Глезер заставляет притти к саморазоблачению идеализированного им прежде старого пацифиста, поклонника «силы слова и моральной революции»: «Мы не хотели уничтожить буржуазную культуру, — беспомощно признается он, — мы стремились ведь создать человека на моральных основах этой культуры».

На двенадцатом году своего пребывания у власти германская социал-демократия все еще ведет за собой значительные массы рабочих, «еще и сейчас имеет в пролетариате решающий массовый базис для диктатуры буржуазии» (Тельман), используя демагогические лозунги «единого фронта сверху», «меньшего зла» и т. д. Именно поэтому она является главной опасностью в основной задаче завоевать большинство рабочего класса. Анкета «Линискурве» среди интеллигенции показала, что значительная часть буржуазных и мелкобуржуазных писателей двусмысленно неясно ответила на вопрос, считают ли они социал-демократов сейчас социалистической партией.

Глезер своей четкостью в разоблачении социал-демократической верхушки, ее демагогии, ее буржуазного пацифизма ставит себя в «Мире» на позиции революционной литературы. В подавлении спартаковского восстания социал-демократические вожди выступают у Глезера как основной и центральный отряд контрреволюции.

Центральная проблема «Мира» — проблема места мелкобуржуазной интеллигенции в революции — заставляет Глезера дать более или менее развернутую картину спартаковского движения. С одной стороны, оно героизируется Глезером, как единственно подлинно революционное движение на том этапе, единственное, за что можно ухватиться в море цинизма, демагогии, обмана масс и обывательщины, представляющих мир буржуазии. С другой стороны, Глезер подчеркивает недостаточную коммунистическую зрелость движения. Так, в финале, подытоживая уроки разгрома, рабочий коммунист констатирует: «Как поверхностна была до сих пор в Германии революционная работа! Не хватало ясной, централизованной революционной партии». Но Глезер не в состоянии еще дать развернутого анализа движения, показать его во всех оттенках, во всех его политических перспективах. Он в значительной мере показывает его глазами зрителя, хотя бы и сочувствующего и много понимающего.

Совершенно не случайным является подбор эпизодов, дающих события на улице, неслучайно взятие рабочими арсенала дано как сце-

на, наблюдаемая героем из трамвайной будки, Глезер не может дать спартаковское восстание изнутри, он дает его внешнее течение.

Большим шагом вперед для Глезера является попытка, героизируя пролетарскую революцию, в то же время дать критику всех типов мелкобуржуазной революционности, стремление, как бы избежать самому в процессе своего полевения мелкобуржуазного типа участия в революции.

Если образ Фрея обобщает тип случайного человека в революции, то Адальберт Кениг (по существу центральная фигура «Мира») концентрирует в себе понимание Глезером лучшего типа мелкобуржуазного революционера. Этот образ, данный автором со всей доступной для него теплотой и эмоциональной напряженностью, — образ фанатика, беззаветно и героически отдающего себя революции, но приносящего с собой в движение целый ряд мелкобуржуазных, интеллигентских черт. Отсюда — ряд ошибок, пагубно отражающихся на движении.

Глезер сумел очень тонко дать яркий героический образ, восхищающий автора (что тоже очень типично для Глезера) в первую очередь своей решительной действенностью, стремительной активностью, и в то же время показать, как этот вождь восстания классово ограничен своей мелкобуржуазной революционностью. Необычайная цельность и решительность Кенига, сразу завоевывающие массы, сочетаются с типично мелкобуржуазным индивидуализмом. Он — вождь и душа восстания. Глезер тонко показывает, как, несмотря на огромный успех в массах, этот вождь остается как бы отделенным от них, стоит над ними. Это подчеркивает даже и одухотворенность его внешности — «лицо его было тонко, как гема».

Его смелость, обеспечивающая ему быстроту, но не глубокую победу, — анархична. Его действия — действия одиночки, несмотря на поддержку пролетариата. Его цельность и глубокая принципиальность, делающие для автора этот образ героическим, имеют черты упрощенности, негибкости, путчизма. Эта цельность имеет привкус «сверхпринципиальности», «сверхреволюционного отрицания «всех» компромиссов мелкобуржуазного революционера. Таково его поведение в сложной борьбе с контрреволюцией. Единственный ее метод, допускаемый Кенигом, — это ручные гранаты его матросов. Индивидуализм Кенига и в том, что его восстание изолировано от всего спартаковского движения в целом. Оно дано у Глезера анархичным; процесс перерастания «Спартака» в коммунистическую партию остался всецело за бортом романа.

В данном случае это уже вина не Кенига, а Глезера. Получается, что Кениг концентрирует в себе достоинства и ошибки всего спартаковского движения в целом. В этом основной порок всего изображения его Глезером, приводящий к неясности, туманности. Для читателя так и остается неясным, изображает ли Глезер в Кениге движение в целом, или его мелкобуржуазные черты, или крайнее крыло «Спартака».

Обложка книги Э. Глезера „1902“.

89
е. гальперина — творческий путь э. глезера

В связи с этим стоит и изображение Глезером роли и участия пролетариата в восстании. Массы даны Глезером чрезвычайно внешне, как статисты, только в обстановке улицы, демонстрации, уличного боя, где масса выступает как сплошная. В «Мире» нет ни одного более или менее индивидуализированного образа рабочего или матроса, данного крупным планом.

Вместе с тем движение масс не дано как стихийное. Наоборот, солдатские и рабочие массы устали от войны. Мира хотят они прежде всего, а не революции. Только зажигающие призывы Кенига дают массе энтузиазм борьбы, заставляют ее действовать. Самой же массе свойственна пассивность.

Столько раз описывая в «Мире» рабочие митинги, Глезер ни разу не дал говорящего рабочего. Мы не знаем, что думали и делали рабочие на предприятиях, мы не узнаем, что говорилось в солдатских отрядах. Массу ведет одиночка-интеллигент, ей говорят — она зажигается. Отсюда у Глезера именно усталость и пассивность рабочих масс является предпосылкой неудачи восстания, предпосылкой успеха социал-демократической демагогии, оттягивающей пролетариат от Адальберта Кенига. Все эти черты — с одной стороны, результат подчеркивания Глезером мелкобуржуазных

черт восстания Адальберта Кенига, о котором в финале один из партийных руководителей говорит: «с такими людьми у нас дальше не пойдет». С другой стороны, у них выявляется и недостаточность позиции самого Глезера, который не может противопоставить ошибкам Кенига подлинно пролетарских элементов спартаковского движения в показе их и потому лишь в конце схематически намечает эти отличия. Поэтому часто правильно показанные Глезером ошибки Кенига не анализированы им с более высокой точки зрения.

В основном четко выдвигая спартаковское движение как единственного представителя революции на том этапе Глезер допускает, однако, весьма странную трактовку роли и места в революции германской аристократии.

Еще в «Поколении 1902 года» мы отмечали героизацию Глезером «красного майора» и его сына, как благородных защитников угнетенных, а главное — как подлинных протестантов против буржуазного общества, хотя бы и с точки зрения прошлого.

В «Мире» — эта тенденция продолжается. Рядом с героическим образом Кенига поставлен его союзник, перешедший на сторону революции барон, аристократ с головы до ног. Глезер выпячивает его презрение и ненависть к буржуазному миру и своеобразное уважение и симпатию к революционному пролетариату, вместе с которым он стойко проходит весь путь восстания. Автор подчеркивает, что эти настроения типичны. Сочувственно показаны размышления молодого лейтенанта во время подавления спартаковцев, его раздражение на то, что приходится защищать буржуазное государство, его уверенность в том, что он ближе к спартаковцам, чем к буржуазии, ибо «и те хотят послать все к черту и мы также».

Между тем роль этих групп в тот период характеризуется т. Мануильским следующим образом:

«В критические периоды, как, например, после окончания мировой войны 1914—1918 годов, эта армия деклассированных увеличилась за счет «безработных» офицеров, единственной профессией которых было мастерское овладение техникой убийства и которые поставляли банды для авантюристов того периода: Муссолини, Д'Аннунцио, Носке, Каппа и др.».

Глезер же всячески подчеркивает близость интересов этих «безработных» офицеров и революционного пролетариата.

Но мы должны не только констатировать ошибки каждого попутчика, но оценить эти ошибки в той конкретной ситуации, в какой воздействует это произведение, с точки зрения того, насколько эти ошибки мешают ему правильно мобилизовать сознание читателя.

В настоящий период деклассированное офицерство — одна из основных фашистских организаций. Общеизвестна та антикапиталистическая демагогия, которой фашизм опутывает мелкобуржуазные прослойки. Известна та демагогическая игра якобы на сходстве пролетарской и фашистской диктатуры, посредством которой фашизм использует для себя неясные симпатии этих масс к коммунизму. В такой обстановке вряд ли уместно выступать с идеализацией «антибуржуазности» офицерства. Как бы ни были закономерны отдельные

случаи перехода на сторону пролетариата представителей этих слоев (вспомним лейтенанта Шерингера, Л. Ренна), — невозможно ставить вопрос об аристократии как о «союзнике» пролетариата, а тенденция к такой постановке намечается у Глезера.

Центральная проблема «Мира» — это проблема интеллигенции и ее места в революции. Невозможно искать позиции Глезера в этом вопросе, отождествляя ее безоговорочно с колебаниями юного героя «Мира» или рассуждениями пацифистского профессора, как это пытались сделать некоторые критики. Позиция Глезера выявляется на протяжении всего романа, особенно же ярко в оценке спартаковского движения и роли в нем интеллигента-революционера Кенига и Макса Фрея, в изображении экспрессионизма, в рассуждениях старого пацифиста, наконец в оценке Глезером шатаний его героя.

Подросток, герой «Мира» — тип созерцательного искателя. Революцию он воспринимает сначала неопределенно, потом сочувствует спартаковцам и приходит к ним, затем, снова притягивается своей домашней буржуазной обстановкой и опять отталкивается от нее, и в конце концов не знает, что ему делать, пока рабочий-коммунист не советует ему в финале поработать над собой.

Но здесь Глезер сумел уже обнажить те корни, откуда растут нерешительность, колебания героя, подчеркивая, что в возрастной беспомощности проявляются социальные колебания.

«Огромна тишина замкнутого дома, и легкое дуновение, скользящее сквозь занавеси и колеблющее цветы в вазах, усыпляет всю волю. Три года прожили мы здесь. Три года для себя и с вещами, служившими нам».

Этот обывательский мелкобуржуазный быт охватывает своими щупальцами героя. В ответ на социальные бури буржуазный обыватель закрывает ставни. Статическая пассивность, проницающая этот быт, неизгладимо уродует психику героя. Дряхлость, слабость воли заставляют подростка уйти от А. Кенига в неизвестный ему домашний уют.

«Или это была та страшная, внутренняя боязнь, которая напала на меня, когда я должен был как-то поступать, даже если я этого хотел. То колебание между мыслью и делом, то ужасное состояние между размышлением и решением, мучившее меня... Или это происходило оттого, что я не принадлежал пролетариату, что я понимал его революцию, но не ее цели, что я был буржуа, хотя и ненавидел буржуазию».

В чем же все-таки причины этой боязни отдаться активной деятельности? Возвращаясь лесом от А. Кенига и революции в обывательский дом, подросток проклинает «это искушение многообразием явлений», он восхищенно завидует людям, «забывающим чарующий хаос мира и совершающим свое дело в тяжелой узости производительной работы» (Produktivität). После лирического описания лесного пейзажа, герой признается, что ему стыдно бежать от борьбы, но он счастлив видеть поляны и лес, «которые ничего у него не требуют».

Этот момент «искушения многообразием явлений» стоит того, чтобы остановиться на нем

подробнее. Несомненно, что он свойственен не только герою «Мира», но в какой-то степени и самому автору. Творческий метод романа пропитан этими «искушениями».

Глезер ужасается возможности остаться за бортом мировых событий «только зрителем». Но стать участником борьбы кажется ему отказом, насильственным и тяжелым от яркости, многообразия, многогранности жизни, отказом для необходимой и справедливой, но узкой, ограниченной и серой борьбы.

Этот момент свойственен далеко не одному Глезеру, он настойчиво повторяется в попутнической литературе. Это вреднейшая черта, задерживающая развитие многих близких писателей. В основе ее лежит обычный мелкобуржуазный индивидуализм, страх за мирок собственного «я». Несомненно этой боязни способствует и то, что обычно попутчик ломку, разрушение своего старого «я» осознает яснее, чем новые положительные стороны своего мировоззрения.

Необходимо настойчиво разоблачать эти мелкобуржуазные предрассудки об обеднении психики приходом к революции. Со всей силой нужно подчеркивать, что под псевдонимом «чарующего хаоса мира» скрывается здесь серый и узкий обывательский, но «свой», индивидуальный мирок. Кого уверит Глезер, что лес и поляны провинциального пригорода ярче и многограннее спартаковского восстания? Нужно подчеркивать, что для таких писателей, как Глезер, прийти к революции не значит принести в жертву богатство своего мира; наоборот, это — единственная возможность вырваться наконец из серости, будничности и мелкой ограниченности его обывательского существования — к полноте, глубине и подлинной многогранности революционной борьбы.

Глезер сумел показать, что колебания его героя объясняются тем, что он — плоть от плоти этой же буржуазной среды. И, тем не менее, Глезер не может довести этого разоблачения до конца, показать его истоки в мелкобуржуазном индивидуализме. В изображении «своей», «домашней» социальной среды Глезер убедительно раскрывает, что и сам он, уже становясь одной ногой на позиции пролетариата, другой еще крепче стоит за порогом уютного дома своих буржуазных родителей.

Образы отца и матери воплощают для Глезера две стороны того класса, от которого он отталкивается. Отец, тупой филистер, описан Глезером с спокойной и обстоятельной насмешкой. Чего стоит, например, привезенный им с фронта жареный поросенок с татуированным портретом Гинденбурга и железным крестом! Насмешливо и подробно описывает Глезер, как в самый разгар классовых боев этот филистер погружается в починку велосипеда и уборной, нисколько не интересуясь никакими социальными потрясениями. После детально приведенной сцены варварского убийства спартаковцев этот тупой филистер, сентиментально глядя на «германский» пейзаж, изрекает (совсем по-ремарксистски): «Родина — это природа».

Не, отталкиваясь от этой буржуазии, Глезер не может еще в «Мире» всем существом возненавидеть ее, — отсюда его насмешка переходит в мягкий юмор, снисходительную иронию. Еще сильнее эта двойственность в пода-

че образа матери. Глезер понимает, что рафинированный эстетизм, отгораживание от внешнего мира, высокие рассуждения о внутренней свободе — все это только другая сторона той же мелочной обывательщины. Но Глезер не в состоянии заклеить это — образ матери овейя глубокой нежностью, мягкой интимностью. Будничные день и мелкие заботы ее в замкнутом мирке «дома» — даются Глезером с такой подробной, глубокой лирической интимностью воспоминаний, которая делает его иронию двойственной и совсем не боевой.

Можно предположить, что у тех слоев, мировоззрение которых несомненно выражает Глезер, более устойчивых, традиционно косных средних слоев, в накаленной обстановке кризиса, как раз в момент их колебаний, в момент окончательного решения своеобразно обостряется индивидуалистическое чувство собственности. Глезер, готовый навсегда порвать с буржуазией, несомненно в «Мире» переживает какое-то обострение тяги к своей прошлой классовой родине. Вот почему он боится потерять «многообразие мира», за которым скрывается его прошлое. Сквозь основную мелодию презрения к нему постоянно звучат какие-то обертоны глубокой снисходительной привязанности.

Отсюда пассивный об'ективизм, охватывающий книгу, размягчающий и выхолащивающий ее. Основная цель книги — проверить путь и окончательно решить — затемняется. Для ее композиции становится характерным налетом пассивного регистирования, самодовлеющего припоминания ради воссоздания «многообразия явлений», все того же уютного домашнего очага.

Эти же нити, связывающие с прошлым, необычайно ярко выявляются в сравнениях Глезера. Для «Мира» типично сравнение крупных социальных явлений — обстановки революционных выступлений, демонстраций, боев и т. д. — с мелкой необычайно комнатной бытовой деталью.

Приведем примеры:

«Перед зданием ратуши бежали стаи мещан, как спущенные петли шерстяного чулка». Взволнованный событиями герой спешит по улице и замечает, что «влажная земля блестит под светом, как японский лак». В описании массового митинга при объявлении о солдатских советах, в «момент социального напряжения» возникает образ: «стало тихо, как в комнате, когда погасят свет». Истомленные войной люди «стали вялыми, как забытый салат». И наконец самый яркий пример: в письмах отца «пролетариат настойчиво приглашается принять участие в государственной ответственности, как в карточной игре в скат вместо ушедшего партнера приглашают чужого, чтобы продолжать привычную игру».

Разве не к этому же моменту любования обывательским мирком относятся эпические описания еды, в которой жареный поросенок «Мира» продолжает традиции жареного гуся из «Поколения 1902 года»?

Конечно, все это мелочи, но эти элементы творческого метода Глезера — огромная опасность для него. Врастая корнями в неопределенную тягу к прошлому, они выхолащивают элементы революционной направленности «Ми-

ра». Для дальнейшего развития Глезера преодоление их — важнейшая задача.

Таким образом, при всех революционных симптомах Глезера творческий метод «Мира» раскрывает недостаточность переделки писателя. Эта недостаточность находит в «Мире» и некое теоретическое оформление. Отсюда тяжелые ошибки в окончательном решении центральной проблемы книги о роли интеллигенции.

На ряде образов Глезер нащупывает все новые стороны этой проблемы.

Последовательную и законченную враждебную линию о невозможности переделки, о принципиальной обреченности интеллигенции проводит пацифистский профессор: «Есть классовая судьба, и никакая борьба против нее не поможет». Создается теория промежуточного положения людей, которые, оторвавшись от своего класса, принципиально не могут примкнуть к новому. Вот какую перспективу рисует перед ужаснувшимся героем скептик-профессор: «Ты будешь все видеть и понимать, ты переживешь новые войны и революции, но ты останешься одиноким, без общества, без крова, без родины, без отклика и без действия». Созерцание — это все, что осталось.

От этой опаснейшей теории обреченности и герой Глезера и писатель ошатываются в ужасе, но Глезер не сумел в «Мире» преодолеть эти настроения.

Он пытается на практике проверить все виды участия интеллигентов в революции.

Создается замечательный образ молодого мелкобуржуазного скептика, Фрея, на котором Глезер хочет показать тип случайного попутчика революции. Этот образ буквально развивает знаменитую ленинскую характеристику взбесившегося мелкого буржуа, который «легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости». Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным течением» — все это общеизвестно¹. Глезер подчеркивает, что захваченный поднимающейся волной классово-борьбы этот случайный попутчик примыкает к революции из интересов своей личной судьбы, чтобы избавиться от разедающего его скептицизма. После спада революционной волны его революционность вырождается в «модную» экспрессионистскую болтовню.

Это блестящий диалектический показ пути случайного попутчика. Но считает ли Глезер это общим решением проблемы попутничества? Образ Кенига, фанатика пролетарской диктатуры, данный Глезером со всем эмоциональным восхищением и захватом, на который он способен, на протяжении всей книги как бы опровергает это своим стойким героизмом. Но ведь и он, как показано ниже, с точки зрения Глезера выражает все несовершенство, всю недостаточность спартаковского движения с точки зрения целой пролетарской революции. На более высокой ступени развития (мы бы сказали большевизации) коммунистическо-

го движения такие люди непригодны, — так говорит Глезер устами рабочего-партийца, присланного в финале «очистить партию от примазавшихся интеллигентов». Окончательную позицию Глезера формулирует его же следующее рассуждение:

«Интеллигенты должны были бы отнять руки прочь от революции. Ведь они приходят к нам только из-за того, что потеряли свою родину. Они хотят посредством нас, нашей революцией отомстить своему прежнему классу. Они думают не пролетарски, они думают антибуржуазно.

Для меня дело решается просто. Наш класс — пролетариат — теперь на очереди. Все остальное — излишние мудрствования. Мы хотим власти и получим ее, мы хотим построить новое общество и построим его. Но эти интеллигенты хотят ведь не новое пролетарское общество, они хотят конца буржуазного. Чорт возьми, разве мы посредники их личной жажды мести? Будет еще много революций, и много буржуазных интеллигентов будет приходить в отчаяние. Но пусть они не приносят своего отчаяния в наши ряды, пусть бы они лучше художественно отреагировали его, пусть пишут романы, рисуют картины, но не мешают нашей серьезной работе своими сомнениями!»

Сформулируем позицию Глезера: это не колебания попутчика, частично принимающего идеи революции и потому колеблющегося, стоит ли примкнуть к ней. Нет. Глезер безоговорочно разделяет идеи пролетарской диктатуры, понимая ее причины, цели и необходимость, разоблачая ее врагов. Но он думает, что для пролетариата зазорно и бессмысленно «разбавлять» его революцию участием в ней слабовольной мелкой буржуазии. «Своего рода интеллигентское самоунижение.

Но Глезер не замечает, что рабочий-партиец, столь уважаемый им, на самом деле выражает в самой грубо-примитивной форме идеи «левого сектантства».

Во всех этих глубоко вредных построениях Глезера есть один здоровый момент. Это твердое понимание того, что не мелкобуржуазный интеллигент является «солью земли», что «духовные революции» и прочие интеллигентские идеи не могут заменить диктатуры пролетариата, что он — единственный класс, уничтожающий капитализм. Этим в сильнейшей степени преодолевается идеалистические иллюзии попутчиков первого призыва.

Но, не овладев еще совершенно диалектикой пролетарского мышления, Глезер не может поставить вопрос политически. Отсюда большая политическая ошибка — отрицание роли союзников пролетариата, совершенно искажающая марксистско-ленинское учение о союзе пролетариата с мелкобуржуазными слоями города и деревни, ошибка, чрезвычайно вредная в деле борьбы за «союзника».

«Мир» во многом выполняет задачи революционного попутничества. Тем более жестоко надо раскритиковать грубую ошибку Глезера в этом основном вопросе «Мира», ошибку, снятую и исправленную дальнейшим его ростом. Характеристика Глезером экспрессионистского движения, показ его в издевательски-протескных тонах, как полное вырождение и деморализация интеллигенции после поражения ре-

¹ Ленин. «Детская болезнь левизны в коммунизме». Собр. соч., т. XXV, стр. 170.

волюции — есть по сути оценка Глезером попутничества первого призыва. Избегая над его идеализмом, Глезер несомненно допускает, однако, искажение исторической перспективы, не учитывает того, что для части попутчиков того этапа идеалистический активизм был первичной формой революционного протеста мелкой буржуазии, который соответствующим перевоспитанием их надо было перевести на пролетарские рельсы. И здесь проявляются своиственные Глезеру черты механистической упрощенности в подходе к сложным политическим процессам.

Этот момент «Мира» ставит более общий вопрос о соотношении и различиях немецкого попутничества первого и второго призыва, вопрос весьма актуальный, но до сих пор мало разработанный нашей критикой. Между тем нужно решительно покончить с этой исторической фигурой «попутчика вообще», с «переделкой мелкой буржуазии вообще», ибо на разных этапах развития революционного движения эти процессы совершенно своеобразны.

Для первого призыва, этапа кризиса послевоенных лет (1918—1923), были очень типичны чрезвычайно бурный эмоциональный подъем, анархический, часто истерический активизм (пример — хотя бы поэзия Бехера того периода). Корни этого — несомненно в атмосфере резких и внезапных социальных потрясений. Расшатанность государства в Германии периода непосредственных боев за власть, вместе с экономическим и политическим крушением средних слоев создавала необычайно резкий характер их отталкивания от капитализма.

Но вместе с тем относительная слабость и неразвитость революционного движения пролетариата обуславливали слабое воздействие его идеологии на умы мелкобуржуазной интеллигенции, неясность для них действительных перспектив революции. Все это приводило к тому, что их протест оставался на позициях «социализма чувства», на позициях идеалистических и пацифистских. Отсюда непомерное выпячивание роли интеллигенции, как единственной силы, способной изменить мир, замена социальной революции — «духовной». Отсюда расплывчатость, туманность этого мелкобуржуазного идеализма, облекавшегося нередко в религиозно-мистические формы.

Отличие попутничества второго призыва базируется на своеобразии обстановки третьего периода, следующим образом охарактеризованного Коминтерном:

«От первого тура 1918—1919 годов, он отличается тем, что он не достиг еще интенсивности подъема 1918—1919 годов, но он протекает при наличии окрепшего государства пролетарской диктатуры, строящей социализм, и уже завершающего в третьем году пятилетки построение фундамента социалистической экономики, при далеко зашедшей в отличие от 1918—1919 годов дифференциации рабочего движения, при наличии компартий, после двенадцатилетнего опыта рабочего класса, видевшего социал-демократию у власти в ряде передовых капиталистических стран, при назревании гораздо более глубокого обострения всех противоречий ка-

питализма, чем это было в 1918—1919 годах»¹.

Отсюда специфические особенности переделки попутчиков в этом периоде. Гораздо меньший эмоциональный подъем, объясняемый меньшей интенсивностью волны революционного движения. Вместе с тем создаются предпосылки для гораздо более глубокого понимания ситуации, для материалистических моментов идеологии попутчиков, укрепляющихся под сильнейшим влиянием революционного марксизма. Развитость пролетарского движения, авторитет коммунистической партии подрывают идеалистические иллюзии о первенствующей роли интеллигенции. Поляризация сил, четкость противопоставления двух систем разрушают неопределенную патетику попутчиков первого периода.

Вот почему, например, творчество Глезера и поэзия Бехера раннего, попутнического периода, довольно аналогичные по классовым корням, — качественно различны по стилю. Здесь очевидно, насколько бесплодны поиски соцэквивалента без анализа всей сложности политической ситуации в целом, в которой появляются и действуют произведения.

Показанные выше противоречия «Мира» позволяют определить его место в развитии Глезера, как решающий этап его пути, в котором защита позиций пролетариата в основных вопросах революции (при ряде существенных ошибок) не доводится еще, однако, до активной борьбы в ее рядах. Этап, представляющий большой шаг вперед по сравнению с «Поколением 1902 года» при всех его ошибках². Книгой «Мир» Глезер входит в революционную литературу. Однако, типичным проявлением его колебаний в тот период было его неуступление в Союз пролетарских и революционных писателей из-за творческих разногласий по вопросу о романе». Здесь уместны слова т. Бехера о попутчиках: «Первый шаг к нам отнюдь не самый тяжелый, трудности начинаются только тогда, когда этот первый шаг сделан».

1930—1931 годы, годы развертывания кризиса вызывают дельнейшую активизацию Глезера. В 1930 году он принимает активное участие в выборах на стороне коммунистов и выступает в организацию пролетарской и революционной литературы, мотивируя это тем, что «революционная пролетарская литература должна быть организована и писатель должен работать организованно». Включение Глезера в активную работу революционного движения практически решает вопрос о роли интеллигенции, выправляя ошибки «Мира» и создавая в свою очередь предпосылки для дальнейшего роста его творческого метода в смысле приближения его к диалектико-материалистическому, изживания обективизма, пассивности, механистических его методов.

¹ Мануильский. «Доклад на XI пленуме ИККИ».

² Следует отметить ненормальность того положения, что «Линкскурве», орган Союза пролетарских и революционных писателей Германии, привлечшего Глезера в свои ряды, за полтора года со времени выхода «Мира» не обмолвилась о нем ни словом, не подчеркнув его достижений, не дав критики политических ошибок «Мира», как это было, например, сделано в отношении Б. Брехта.

1931 год дает мало нового в творчестве Глезера. Если в двух первых книгах писатель давал свою оценку положения в Германии в виде развертывания прошлого пути, то маленькая «Сказка о свободе» в форме библейской притчи об отце и сыновьях из «хроники 1931 года до Р. Х.» показывает германский кризис 1931 года после Р. Х.

Прозрачный и наивный аллегоризм «Сказки» должен вскрыть, как разбиваются иллюзии буржуазной демократии, «сказки о свободе» буржуазного общества под ударом кризиса. Сыновья Капитализма (мы расшифровываем псевдонимы притчи) демократия, гуманность и свобода слова, рожденные им во времена его расцвета, обнаруживают, что свобода, в которую верили они и «работники», оказалась иллюзией. Несмотря на суровые кары Капитала сыновья осознают, что они и работники имеют общую судьбу и совместно затевают восстание. Непокорным сыновьям Капитал вырывает языки. Но в полночь к пирующим отцам земли врываются окровавленные сыновья, а за окном стоят работники с занесенными топорами.

Несомненно, что облечение простых и ясных социальных истин в схематический аллегоризм

притчи не вносит новых достижений в творчество Глезера.

Интересно другое. В «Сказке» опять проходит лейтмотив творчества Глезера — мотив сыновей буржуазии, отрекающихся от нее и переходящих в лагерь нового класса. И здесь Глезер ясно и просто считает, что место этих перебежчиков с «вырезанными языками» (это воспринимается почти буквально в полосу ожесточенных репрессий фашизма против революционной литературы), что их место в рядах «занесенных топоров» пролетариата.

Прогнозы нашей критики в отношении Глезера пока были пессимистическими. «Поколение» расценивалось как отсутствие выхода, «Мир» — как «поправление». Действительное развитие Глезера, к счастью, шло совершенно обратно этим прогнозам.

Творческий путь Глезера показателен для успехов немецкого революционного движения в борьбе за «союзника», он, как и вся волна попутничества в Германии, — один из многих симптомов расшатывания германского капитализма, одного из слабейших звеньев международного капитализма.